

С.Л. РУБИНШТЕЙН И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

© 2018 г. И.А. Юров*

**Кандидат психологических наук, частнопрактикующий психолог*

e-mail: sov36@mail.ru

Сочи, Россия

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что у истоков формирования экзистенциальной психологии стояли не только зарубежные философы и психологи, но и российский ученый, крупный методолог и теоретик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн. В подтверждение данного положения проводится сравнение взглядов С.Л. Рубинштейна, М. Хайдеггера, В. Франкла, Р. Мэйя, Ж.-П. Сартра, М. Босса. Показано, что С.Л. Рубинштейн впервые заявил о мире и человеческом бытии; рассмотрел проблемы сущности и существования, свободы и воли, индетерминизма, аутентичности; обосновал принцип детерминизма – «внешнее через внутреннее»; развел понятия «личность» и «субъект».

Ключевые слова: экзистенциальная психология, решимость, сущность, существование, бытие, знание мира, свобода и воля, аутентичность, внешнее и внутреннее, личность, субъект

В 1913 году С.Л. Рубинштейн в Марбургском университете успешно защищает докторскую диссертацию (как ученик идеалистов П. Наторпа и Г. Когена), в которой доказывает неприменимость естественнонаучного метода к гуманитарному знанию (к которому относилась психология) и для раскрытия типа причинности гуманитарного знания выдвигает в качестве ключевой идею субъекта.

Уже в своих ранних работах С.Л. Рубинштейн раскрывает понятия бытия, отношения к миру, свободы и воли, сущности и существования,

подлинности и саморазвития. Так, в рукописи 1917–1918 годов он подвергает сомнению основную идею когеновского идеализма, идущего от Платона и Канта: «познание становится первичным в объективном смысле, и бытие оказывается производной функцией познания» (Рубинштейн, 1994, с. 231).

Если для Когена «бытие покоится не в самом себе, поскольку мысль создает основу бытия» (Рубинштейн, 1994, с. 239), то для Рубинштейна никакой конечный комплекс понятий и определений не может исчерпать бытие: «Оно есть бесконечное Нечто, таящее в себе никаким конечным комплексом определений неисчерпаемую содержательность, которая поэтому полагает бесконечный процесс познания, т.е. бесконечную систему знания» (там же, с. 241). Рубинштейн выступает против фундаментального положения субъективного идеализма о том, что «бытие не существует, а полагается мыслью» (там же, с. 239), что «мысли ничего не может быть дано, мысль сама порождает все свое содержание, содержание бытия» (там же, с. 234). Вместе с тем, он отвергает и материализм, который «совершил уже свое опустошительное шествие», а также другую, «более утонченную форму натурализма – психологизм» (там же, с. 234). Таким образом, Рубинштейн фактически предлагает идею третьего пути, не связанного ни с субъективным идеализмом, ни с материализмом, т.е., фактически, идею психологического экзистенциализма.

Аналогичные мысли ранее высказывал основоположник философии экзистенциализма С. Кьеркегор: «Если мы желаем порядка в жизни... то мы должны заботиться, прежде всего, о том, чтобы сделать из каждого человека отдельного, единственного» (цит. по: Мэй, 2001, с. 3). По Кьеркегору, надо уйти от мира, чтобы обрести себя, и вернуться в мир, чтобы теперь уже сознательно творить его. В конечном итоге, все зависит от реакции личности на свое переживание: будет ли это бегство или движение вперед. А это уже есть акт выбора. Не случайно Кьеркегор ставит знак равенства между «Я» человека

и его волей. Однако воля человека, в свою очередь, имеет отрицательную форму – волюнтаризм. Кьеркегор отвергал материализм и естественнонаучные методы исследования гуманитарного знания (как позднее Рубинштейн). В противовес *немецкому классическому идеализму* и развитию, которое придал ему Гегель, Кьеркегор настаивал на вторичности *рациональности* и первичности чистого существования (*экзистенциальности*), которое после определенного диалектического пути развития личности должно найти свой смысл в вере.

В статье «Принцип творческой самодеятельности» С.Л. Рубинштейн пишет: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1922, с. 148). Деятельность всегда – творческая и самостоятельная. Самостоятельность здесь вовсе не противостоит совместности. Напротив, именно в совместной деятельности реализуется ее самостоятельность. Автор исходит из того, что учение есть совместное исследование, проводимое учителем и учеником. Рубинштейн пишет, что «в творчестве создается и сам творец. Есть только один путь – если есть путь – для созидания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет...» (там же). Рубинштейн так формулирует свой подход к воспитанию и самовоспитанию людей: «Организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных, творческих деяний определять образ человека – вот путь и такова задача педагогики» (там же).

По мнению А.В. Брушлинского, Рубинштейн, с одной стороны, творчески, критически использует все новое и ценное, что дала немецкая классическая философия, – особенно в лице гегелевского идеализма. С другой стороны, он сразу же и сознательно начинает преодолевать идеалистическую

трактовку деятельности как чистой активности духовного субъекта, безотносительно к материальному субъекту. Рубинштейн, вместе с тем, критически относится также и к философскому материализму (механистическому), характеризует его как пассивизм и подвергает резкой и справедливой критике, в том числе следующие его положения: бытие определяет сознание; изначальная соотносительность природы и человека; слитие в одну науку естествознания и общественных наук и др. (Брушлинский, 1989). Это ли не создание третьего пути – *психологического экзистенциализма*?

В работе «Бытие и сознание» С.Л. Рубинштейн пишет: «Бытие существует и независимо от субъекта, но в качестве объекта оно соотносительно с субъектом. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектом по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (Рубинштейн, 1957, с. 57). Он так определяет принцип детерминизма: все внешние причины, влияния и т.д. действуют не прямо и непосредственно, а опосредованно – через внутренние условия того, на кого или на что они воздействуют. Эти положения демонстрируют диалектическое (в гегелевском смысле) взаимодействие детерминизма и индетерминизма. «Чем выше мы поднимаемся – от неорганической природы к органической, от простейших организмов к человеку, – тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (там же, с. 13).

Поясняя суть своей концепции, Рубинштейн пишет: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и, соответственно, определен круг философских категорий. Человек выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего, как реальное, материальное, практическое существо... С появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все его нижележащие уровни. Иными словами, человеческое бытие – это не частность, допускающая лишь

антропологическое и психологическое исследование, не затрагивающая философский план общих, категориальных черт бытия. Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека. Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении» (Рубинштейн, 1973, с. 259).

Подлинным манифестом гуманизма (по А.В. Брушлинскому) являются статья С.Л. Рубинштейна «Проблема способностей и вопросы психологической теории» и его монография «Человек и мир». Брушлинский отмечает, что при Сталине С.Л. Рубинштейн публиковал только психологические труды и лишь после его смерти начал издавать также и свои философские работы; при этом статьи 1910-х и 1920-х годов он никогда не мог даже упоминать.

В главе «Философское понятие бытия» С.Л. Рубинштейн, проанализировав позиции по этой проблеме Платона, Аристотеля, Авиценны, Суареса, Юма, Канта, Гегеля, отмечает, что «существуют два подхода к понятию бытия. Первый определяет бытие как самое абстрактное, то, что свойственно всему сущему, без раскрытия содержания того, что оно есть, что означает. Это есть имплицитное определение через абстракцию того, что является общим для всего существующего. Второй подход возможен как содержательное раскрытие понятия бытия через соотнесение понятий: быть и являться, быть и казаться, быть (пребывать) и изменяться, становиться, развиваться и исчезать, быть и только мыслиться, представляться» (там же, с. 274–275). Говоря о соотнесении существования и сущности, Рубинштейн пишет: «Неправомерно обособлять друг от друга существование и сущность. Нужно для всего сущего признать авторитет аспекта бытия над аспектом сущности» (там же, с. 275). И далее: «В составе бытия, человек как сущее, осознающее все сущее и изменяющее его, не выносится за пределы бытия, он сам – сущее, включенное в состав сущего» (там же, с. 276). Рубинштейн

разделяет подход экзистенциализма к определению сущности и существованию, который заключается в защите первородного права существования применительно к человеку, откуда следует, что онтологическая характеристика, относящаяся к бытию вообще, распространяется и на жизнь человека.

Одна из важнейших проблем – проблема свободы человека в бытии. Рубинштейн пишет: «Проблема свободы выступает в трех аспектах: а) как самоопределение – роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и общественное принуждение); в) как свобода в Спинозовском смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений)... Таким образом, свобода – это не только отрицание данного, как утверждают экзистенциалисты, но и утверждение его. Свобода – это и отрицание, и утверждение данного» (там же, с. 360).

В приведенных высказываниях Рубинштейна, явно прослеживается единая линия в работах 1910-х – начала 1920-х годов и книги «Человек и мир», фактически касающаяся философии и психологии экзистенциализма, т.е. гуманизма (гуманные партнерские отношения в процессе обучения и воспитания), ибо Ж.-П. Сартр говорил, что «экзистенциализм – это и есть гуманизм» (Ницше Ф., Фрейд..., 1990, с. 319). Именно о гуманизме и партнерских уважительных отношениях в жестоких условиях повышенной агрессии и страха после Первой мировой и Гражданской войн говорил С.Л. Рубинштейн в 1922 году, т.е. задолго до Ж.-П. Сартра.

В связи с этим примечательно замечание А.В. Брушлинского о том, что основы гуманизма в корне подрываются, когда социальность сводится только к одной из своих бесконечно многообразных форм – к социальности лишь как принуждению, давлению, прессингу, диктату, с помощью которых общество навязывает (нередко даже насильственно) индивиду определенную систему норм и духовных ценностей. В психологии это проявляется в виде следующего

очень известного принципа: от социального к индивидуальному, который часто трактуется более обобщенно в виде известного методологического принципа – «от (только) внешнего к внутреннему», лежащего в основе прежних и новейших вариантов теории интериоризации как механизма возникновения психического.

Ровесник Рубинштейна М. Хайдеггер в 1913 году защитил выпускную работу во Фрейбургском университете. Однако ему ближе были позиции ученых Марбургского университета (который закончил С.Л. Рубинштейн), и с 1922 году он становится доцентом этого университета. Именно здесь Хайдеггер написал свой труд «Бытие и время» (1927), с которого обычно начинают историю современного экзистенциализма (сама творческая научная атмосфера, созданная и при активном участии Рубинштейна, способствовала появлению этого труда). В своей работе автор, ссылаясь на Платона, С. Кьеркегора, И. Канта, Э. Гуссерля и др., утверждает, что между бытием и сущим есть «онтологическое различие», и своей задачей ставит прояснение «смысла бытия». По его мнению, данные каких бы то ни было конкретных наук ничего не говорят нам о бытии, так как науки имеют дело с сущим, с теми или иными предметными областями, которые описываются в родо-видовых определениях. Но имеется одно сущее, которое может быть исходным пунктом для раскрытия «смысла бытия». Таково бытие человека. Для обозначения человеческой реальности, но не в онтическом (когда речь идет о конкретных сущих), а в онтологическом смысле (когда предметом исследования оказывается бытие), Хайдеггер предлагает нетрадиционное истолкование немецкого термина «Dasein–da-sein» (здесь-бытие), употреблявшегося в смысле «наличное бытие», или «существенное вообще». Существование человека фактично, в онтологии же ставится вопрос о возможных условиях бытия, об априорных структурах, а не о реальности. Хайдеггер первую априорную структуру Dasein определяет как «бытие-в-мире». Это должно означать, что Dasein всегда конкретно, не сводится к чистой мысли или трансцендентной

субъективности. Он уточняет, что его учение не является ни идеализмом, ни реализмом (Heidegger, 1979, p. 202). Как и Рубинштейн, он предлагает *третий путь*. Анализ подлинности и неподлинности существования у Хайдеггера имеет онтологический характер, а потому относится к любому возможному бытию человека – во все времена, независимо от социального устройства. Три модуса «здесь-бытия» – «падение», «заброшенность» и «проект» – являются тремя лицами одного и того же феномена «заботы» (Sorge). Живущий неподлинно бежит от собственной свободы и ответственности, а подлинное существование свободно принимает наследие прошлого как возможность реального. Но разве не об этом говорит Рубинштейн: онтологическая характеристика, относящаяся к бытию вообще, тем самым, распространяется и на жизнь человека; отсюда – ее человеческий смысл и значение для понимания жизни.

Л. Бинсвангер поддерживает позицию М. Хайдеггера в том, что человеческое существование определяется как «забота» в единстве трех модусов, соответствующих трем измерениям времени. Подлинное существование связано, прежде всего, с будущим, с трансцендированием собственных пределов. Если эта открытость будущему исчезает, то человек объясняет все происходящее с ним как причинно обусловленным прошлым, а не его собственными проектами и целями. Если доминирует модус, соответствующий настоящему времени, то человек обезличивается. Разделение телесного и духовного, по мнению Бинсвангера, снимается в онтологии Хайдеггера. Человек свободен потому, что он сталкивается с единственной «необходимостью» – все время выбирать; он обречен быть свободным (Binswanger, 1964, p. 12). Также о свободе говорил и С.Л. Рубинштейн, подчеркивая, что свобода – это и отрицание, и утверждение данного.

В своей работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр ввел понятие «в-себе-бытие», характеристикой которого является тождественность, равенство самому себе. Человеческое же существование определяется как изначальное

отрицание этого «в-себе-бытия», как «для-себя-бытие», которому совершенно не свойственна самождественность и статичность. Для него характерны негативность, отсутствие какой-либо определенности, непрерывный выход за собственные пределы. «Для-себя-бытие» определяется как «нехватка», «недостаточность», неравенство самому себе. В данном смысле оно является «небытием», «ничто», вечно неудовлетворенным желанием, вожделением слиться с бытием, дабы обрести полноту и самодостаточность. Но это вожделение всегда неудовлетворенное, ибо слияние «в-себе-бытия» и «для-себя-бытия» означает смерть «для-себя-бытия», поэтому человек есть «бесполезная страсть». «Человек, – пишет Сартр, – не есть вначале, чтобы затем быть свободным: нет различия между бытием человека и его “свободным бытием”» (Sartre, 1965, p. 61). Человек абсолютно свободен в выборе самого себя, а вместе с тем, и всего мира, поэтому он несет полную ответственность за свой выбор. Очевидно, что такие же положения выдвигаются С.Л. Рубинштейном.

М. Босс считает, что нет никакого смысла говорить о существовании чего бы то ни было, если нет того, кто «высвечивает» это сущее. Без человеческого восприятия нет и предмета. Человек и мир друг без друга не существуют; они конституируют друг друга, будучи единым «бытием-в-мире». В открытости человека бытие получает возможность проявить себя, но сама эта открытость возможна лишь благодаря тому, что бытие открывается человеку. Человек не конституирует сущее, а служит получателем «послания» бытия, да и сам он «послан» в мир, чтобы бытие могло открыть себя. Человеку нужно освободиться от всех предзаданных интерпретаций, «вслушиваться в язык бытия», позволяя, тем самым, «говорить» самому бытию. Необходимо постигнуть «непосредственно данные объекты и феномены человеческого мира» (Boss, 1965, p. 59), т.е. феноменологически описать изначальный уровень соотнесенности человека с миром, отбросив объяснительные конструкции, искажающие непосредственную данность феномена.

Согласно В. Франклу, истина существует независимо от того, познает ли ее кто-нибудь или нет. Он утверждает, что существует идеальное царство истин и ценностей, которые не зависят от субъекта. На них направлено «духовное зрение» человека, которое не детерминируется биологическими, психологическими или социальными закономерностями. По Франклу, человек соотносится с вечными и универсальными ценностями (Frankl, 1966, p. 17). Свобода воли, считает Франкл, принадлежит к непосредственным данным человеческого опыта. Ее можно феноменологически описать, но нельзя свести к объективным причинным связям. Человек обладает свободой воли, так как «он поднимается над плоскостью соматических и психических детерминант своего существования... он свободен занять позицию по отношению к этим условиям; он всегда сохраняет свободу выбрать свою установку в отношении к ним» (Frankl, 1976, p. 15).

Исходя из этого, Франкл выходит в трансцендентное по отношению к миру измерение, которое он называет «ноологическим», или «поэтическим», или духовным. «Воля к смыслу» противопоставляется Франклом «воле к удовольствию» Фрейда и «воле к власти» Адлера. Смыслом жизни, по Франклу, обладают лишь те, кто наделен «базисным доверием к бытию». Биологическая и социальная жизнь человека лишены смысла. Она наполняется смыслом только благодаря приобщению к трансцендентным ценностям.

С.Л. Рубинштейн, поддерживая идею о смысле жизни, в то же время считает, что трансценденция является не единственным фактором развития; по мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование, целеполагание, и, соответственно, больший удельный вес принадлежит внутренним условиям как основанию развития, через которые всегда только и действуют все внешние реальные причины, влияния и т.д.

Р. Мэй утверждает, что для того чтобы помочь человеку найти смысловые ориентиры в жизни, необходимо понять его внутренний мир, т.е.

раскрыть его «бытие-в-мире», структуру его осмысленных переживаний, интенций. Он подчеркивает: «Излечение от симптомов, несомненно желательное, не является главной задачей терапии. Самым важным является открытие личностью своего бытия, своего Dasein» (May, 1977, p. 27). Мэй отмечает, что существует множество окружающих миров – столько же, сколько и индивидов: «Мир является структурой смысловых отношений, в котором существует личность, и в образе которого она соучаствует» (May, 1977, p. 59). Как и Бинсвангер, Мэй говорит о трех основных «модусах» мира. В первом – «окружающем мире», среде обитания – человек сталкивается со всем многообразием природных сил и приспосабливается к ним. Во втором – мире «со-бытия» – человек встречается с другими людьми; здесь речь идет не об адаптации, а о существовании, предполагающем взаимное признание в качестве личностей. В третьем – «собственном мире» – происходит самоотнесенность и самосознание; это уникальный мир каждого человека. Мэй в качестве онтологических условий человеческого существования рассматривает следующие структуры «бытия-в-мире»: центрированность, самоутверждение, соучастие, осознание, самосознание, тревога.

Аутентичность связана не только с трансценденцией, но и с социумом и внутренними условиями субъекта (так, например, мечта никогда не реализуется без внешних и внутренних условий, т.е. без адекватной организации среды и самообразования, мотивации, целенаправленности самого субъекта). В данном случае можно говорить, по Рубинштейну, о диалектическом взаимодействии детерминации и индетерминации.

Работы приведенных экзистенциалистов есть ни что иное как, с одной стороны, повторение, а с другой – дальнейшее развитие ранних работ Рубинштейна и позиций, изложенных в них. Именно С.Л. Рубинштейн впервые заявил о мире и человеческом бытии; выдвинул идею о научном направлении не связанном не с идеализмом, не с механистическим материализмом; рассмотрел проблемы сущности и существования, свободы и

воли, индетерминизма, аутентичности; обосновал принцип детерминизма – «внешнее через внутреннее»; развел понятия «личность» и «субъект».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что С.Л. Рубинштейн стоял у истоков создания экзистенциальной психологии (Юров, 2015; 2016). И есть серьезные основания считать С.Л. Рубинштейна основоположником экзистенциальной психологии.

Литература

Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // С.Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 61–102.

Мэй Р. Происхождение экзистенциальной психологии // Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя. М., 2001. С. 2–23.

Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж-П. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. Яковлев. М., 1990.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 11. С. 148–154.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 255–385.

Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230–259.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психология // Психолог. № 4. 2015. С. 37–84.

Юров И.А. Парадигмы в отечественной психологии // Человек. Искусство. Вселенная. М., 2015. С. 7–11.

Юров И.А. Две парадигмы отечественной психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сб. статей Международной научно-практической конференции. Ч. 1. М., 2016. С. 311–317.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн – основоположник диалектико-материалистической психологии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 319–330.

Binswanger L. Heideggers analytic of existence and its meaning for psychiatry // Being in the World. 1964. P. 206.

Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. N.Y., 1963. P. 59.

Frankl V. The Doctor and the Soul. N.Y., 1966. P. 17.

Frankl V. Psychotherapy and Existentialism: Selected Papers on Logotherapy // Harmonskorth.1976. P.74.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1979. S. 392.

May R. Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology. N.Y., 1977. P. 27–59.

Sartre J.-P. Letre et le neant. P., 1965. P. 61.

S.L. RUBINSHTEYN AND EXISTENTIAL PSYCHOLOGY

I.A. Yurov*

**Candidate of psychological Sciences, private practicing psychologist, Sochi, Russia*

Abstract. The article substantiates the proposition that the originators of existential psychology stood not only foreign philosophers and psychologists, but also Russian scientist, large domestic psychology theorist and expert with S.l. Rubinstein. In confirmation of this situation compares attitudes S.l. Rubinstein, M. Heidegger, V. Frankl, R. May, Y.-P. Sartre, M. Boss. It is shown, that for the first time, Rubinstein said on SI world and human existence; considered the issue of essence and existence, freedom and will, indeterminizma, authenticity; to substantiate the principle of determinism-outer through internal "; spread the notion of "identity" and "subject".

Keywords: existential psychology, determination, essence, existence, life, peace, freedom and knowledge will, authenticity, outer and inner, personality, actor